

ZUM PROBLEM DES URSPRUNGS DER GEGENWÄRTIGEN
LITAUISCHEN MUNDARTEN

Z. Zinkevičius

Zusammenfassung

Als wichtigste Isophone, die die Grundlage zur Herausbildung der gegenwärtigen litauischen Mundarten bildeten, werden betrachtet: 1) der Übergang $q, \varphi > \psi, i$, 2) der entsprechende Übergang der tautosyllabischen Verbindungen $an, am, en, em > un, um, in, im$, 3) die dzūkische Verschiebung der Konsonanten, 4) die Velarisierung des Konsonanten l vor dem e -Vokalismus und 5) die unterschiedliche Entwicklung der urlitauischen Verbindungen $*ija, *dja$. Es wird ein Versuch unternommen, diese Isophone chronographisch zu ordnen. Dabei wird angenommen, dass sich die gegenwärtigen litauischen Mundarten vor der Entstehung des Litauischen Staates herausgebildet haben. Die nichtsystemhaften phonetischen Elemente der gegenwärtigen Mundarten, die Relikterscheinungen der älteren Epochen, werden nicht untersucht.

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ СЕЛОНСКОГО ЯЗЫКОВОГО
СУБСТРАТА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЕ

А. Брейдак (Рига)

В I и начале II тысячелетия нашей эры северо-восточную Литву и юго-восточную Латвию населяло одно племя — селоны [1, с. 15; 2, с. 99; 3, с. 28—29].

О селонском языковом субстрате в северо-восточной Литве писали К. Буга [4, р. 19—21; 5, р. 273—276, 491, 559, 575—576, 578—579, 745] и Я. Эндзелин [6, л. 8—9], а в наши дни на некоторые языковые черты в северо-восточной Литве, которые можно объяснить влиянием селонского субстрата, обратили внимание С. Каралюнас [7, р. 17—19], В. Мажюлис [8, р. 7—12], А. Ванас [9] и А. Брейдак [10, S. 70]. Рассмотрим лишь некоторые фонетические явления северо-восточнолитовских говоров, которые с большей или меньшей долей вероятности можно объяснить влиянием селонского языкового субстрата.

1. **Дистрибуция гласных o : a .** В аникштенском и купишкенском говорах (традиционно это говоры ротининков) и в изолированном дотиненском говоре вильнюсской группы говоров аукштайтского диалекта в ударном неконечном слове наличествует гласный o (точнее $ɔ$ или $ǫ$) вместо литературного a , напр., *võkaras* 'вечер', *võsara* 'лето', *rõtas* 'колесо', но *ratai* 'колеса' [11, р. 50, žem. 6; 12, р. 37]. Аналогичная дистрибуция гласных o (или $ǫ$): a в зависимости от ударности или неударности позиции наличествует и во многих латышских селонских и латгальских говорах, напр., *vokars* или *våkars* 'вечер', *vosara* или *våsara* 'лето' [6, л. 117; 13, л. 267; 14, с. 53, карта 7; 15, S. 86—87]. Разумеется, закон дистрибуции гласных o ($ɔ$, $ǫ$): a в аникштенском, купишкенском и дотиненском говорах, с одной стороны, и в латышских селонских и латгальских — с другой, переплетается и с иными специфическими правилами дистрибуции гласных o ($ɔ$, $ǫ$): a , свойственными только северо-восточнолитовским или латышским селонско-латгальским говорам.

2. **Перегиб гласных $e > a$ и $é > ā$.** В купишкенском говоре сохранились следы позиционной перегибности гласных $e > a$ и $é > ā$, идентичной с такой же перегибностью гласных $e > a$ и $ē > ā$ в латышских селонских и латгальских говорах, напр., *madūs* 'мед', *tāvās* 'отец' в купишкенском говоре и *mads* 'мед', *tāvs* 'отец' в селонских и латгальских говорах латышского языка [11, р. 54, žem. 12; 12, р. 38; 6, л. 108; 13, л. 272; 16, р. 30, žem. 1].

В купишкенском говоре обсуждаемая перегибность гласных регулярно осуществляется в парадигме спряжения глаголов.

Купишкенский говор

Селонские говоры

1 л. <i>našū, bāgu</i>	<i>nasu</i> 'несу',	<i>bāgu</i> 'убегаю'
2 л. <i>neši, bēgi</i>	<i>neš</i> 'несешь',	<i>bēdz</i> 'убегаешь'
3 л. <i>nāša¹, bāga</i>	<i>nas</i> 'несет',	<i>bāg</i> 'убегает'

[12, р. 38; 15, S. 86].

Если верно объяснение происхождения названия города *Zarasai* ($\left\langle *Azarasai \left\langle *Ezerasai$: лтш. *ežers*, лтш. диал. (селон. и латг.) *azars* 'озеро'), выдвинутое К. Бугой [4, р. 19—21], то ареал перегибности гласных $e > a$ и $ē > ā$ в прошлом в северо-восточной Литве был гораздо шире, чем в наши дни.

Причиной позиционной перегибности гласных $e > a$ и $ē > ā$ в селонском и латгальском племенных языках, очевидно, явился прибалтийско-финский субстрат, ибо аналогичное фонетическое явление наличествует и в прибалтийско-финских языках, а именно — гармония гласных в южноэстонском диалекте, в водском, ижорском и некоторых других языках [17, с. 165—166].

3. **Согласные s, z вместо ожидаемых литовских согласных $š, ž$.** В топонимии северо-восточной Литвы нередко наличествуют селонские согласные s, z вместо ожидаемых литовских согласных $š, ž$, напр., в названиях населенных пунктов: *Āpsas* (на территории Белорусской ССР), *Zarasai*; в названиях озер: *Zaduojs/Zadūojas, Zālvās, Zārasas/Zarasaitis* [5, р. 278—279, 626; 9, р. 45, 392—393]. Согласные s, z как явление селонского языкового субстрата изредка наличествуют также в именах существительных нарицательных и глаголах северо-восточнолитовских говоров [5, р. 279—280].

4. **Аффрикатизация смягченного согласного k' .** К. Буга и др. считают топонимы с аффрикатой $č$ вместо ожидаемого смычного k' в северо-восточной Литве (напр., в названиях населенных пунктов *Čedasai, Či-vūliai*, в названиях озер *Čēdasas, Čiūnas, Čičiraitis, Čičirys*) селонскими по происхождению [4, р. 108; 5, р. 275—276; 7, р. 18; 9, р. 75—76]. С таким мнением можно согласиться, ибо во многих латышских селонских и латгальских говорах и по сей день наличествуют аффрикаты $č, dž$ ($\left\langle k', \check{k}, g', \check{g} \right\rangle$), а, учитывая ареал гипернормального смычного k', \check{k} вместо

¹Под влиянием литовского языка в купишкенском говоре в глаголе *nešti* произошла замена селонского согласного s согласным $š$.

аффрикаты \check{c} во многих латышских западно- и южноселонских и северо-западно- и южнолатгальских говорах, ясно, что аффрикатизация смычных $k', \check{k}, g', \check{g}$ наличествовала во всем ареале селонского и латгальского племенных языков [6, л. 187–188; 5, р. 281; 13, л. 307–308; 16, р. 32, жем. 2; 18, р. 247–249].

Учитывая то, что в результате аффрикатизации смычных $k', \check{k}, g', \check{g}$ было ослаблено одно звено фонологически релевантной оппозиции твердых и смягченных согласных в селонском и латгальском, мы объясняем эту аффрикатизацию не внутриязыковыми факторами, а иноязычным влиянием. Так как влияние первой палатализации в праславянском $k > \check{c}$ и $g > \check{d}\check{z}$ на происхождение аффрикатизации смычных $k', \check{k}, g', \check{g}$ в селонском и латгальском языках исключается по хронологическим соображениям, то единственным правильным решением данной проблемы, на наш взгляд, является объяснение этого фонетического изменения в селонском и латгальском языках прибалтийско-финским субстратом, ибо в чудском языке восточной Латвии аффрикатизация смычного k перед гласными переднего ряда бесспорно наличествовала. Результат этого фонетического изменения мы наблюдаем в чудском названии северо-восточной Латвии *Očela*, зафиксированном в Новгородской первой летописи [19, с. 20, 36, 203, 225] (ср. названия деревень *Akkala* в Карелии, Ингерманландии и на Кольском полуострове) [20, S. 25, 106, 123; 21, с. 10]. Идентичное фонетическое изменение ($k > \check{c}$ и $g > \check{d}\check{z}$ перед гласными переднего ряда) осуществилось и в диалектах водского языка, напр., вод. *išivi* 'камень' при фин. и эст. *kivi* то же, вост.-вод. *audziD* 'щуки' (им. п. мн. ч.) при эст. *haugid* то же [22, л. 16; 23, л. 10; 24, р. 14; 25, с. 143].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что имеются все основания искать причину аффрикатизации смычных $k', \check{k}, g', \check{g}$ в селонском и латгальском племенных языках именно в прибалтийско-финском субстрате [16, р. 32, жем. 2; 18, р. 247–249; 26, л. 87–91; 27, р. 120–121]².

Для осмысления возникновения аффрикаты \check{c} в топонимах северо-восточной Литвы необходимо обратиться к аналогичному фонетическому процессу возникновения аффрикат $\check{c}, \check{d}\check{z}$ ($\langle k', \check{k}, g', \check{g} \rangle$) в селонских говорах латышского языка.

К. Буга выводит обсуждаемую аффрикату \check{c} в топонимах северо-восточной Литвы из селонской аффрикаты \check{c} . Но данные исторической фонетики селонских говоров латышского языка не подтверждают правильность такого толкования. В латышских селонских и латгальских говорах аффрикаты $c, \check{c}, dz, \check{d}\check{z}$, возникшие из смычных k, g перед гласными переднего ряда $i, \check{i}, e, \check{e}$ и из звукоочетаний kj, gj , сохранились без изменений, аффрикаты же $\check{c}, \check{d}\check{z}$ ($\langle k', \check{k}, g', \check{g} \rangle$) в этих говорах возникли только в заимствованных словах. На основе этих фактов можно заключить, что южные селоны после поселения аукштайтов

²П. Аристе считает, что аффрикатизация смычных $k', \check{k}, g', \check{g}$ в селонских и латгальских говорах осуществлялась самостоятельно, без влияния прибалтийско-финского языкового субстрата.

на их территории именно в литовских (т. е. „чужих“) топонимах заменили смычной k' аффрикатой \check{c} . Но и после полной ассимиляции южных селонов эта фонетическая особенность сохранилась в топонимии северо-восточной Литвы как явление селонского языкового субстрата.

Рассмотренные выше фонетические особенности в северо-восточно-литовских и селонских и латгальских говорах являются относительно древними. Для подтверждения этого тезиса можно привести несколько аргументов.

1. Судя по некоторым селонским и латгальским топонимам, засвидетельствованным в письменных памятниках XIII–XIV вв. (напр., *Gulbana* в 1224 г. [28, л. 80] $\langle *Gulbena$, ср. *Gulbene* в современном латышском литературном языке; *Barsono* в 1389 г. [6, л. 108; 13, л. 227], ср. *Bērzaune* в современном латышском литературном языке), позиционная перегласовка $e, \check{e}, i > a, \check{a}, u$ осуществилась в селонском и латгальском племенных языках до XIII в.

2. Данные селонских и латгальских говоров неопровержимо свидетельствуют, что дистрибуция гласных $o: a$ является очень древней и что в то время, когда реализовалась перегласовка гласных $e, \check{e}, i > a, \check{a}, u$, оппозиция гласных $o: a$ в селонском и латгальском племенных языках уже не была продуктивной. Так, в корнях глаголов с исходом $-ināt$ в селонских и латгальских говорах как правило наличествует нерегулярный гласный a вместо ожидаемого гласного o , напр., *darynojam* 'делаем' Преиля [29, л. 18], *darynu* 'делаю' Лубана [30, л. 138], *placynoju* 'плющу' Калдабруня [31, л. 65], *zadynova* '(она) приветствовала' Ливаны [32, л. 156]. Этот нерегулярный гласный a отображает состояние до перегласовки $e, \check{e}, i > a, \check{a}, u$, когда гласный a в такой позиции еще был закономерным.

3. Фонетическое изменение $*s'(\langle *k' \rangle) > s$ и $*z'(\langle *g', *gh \rangle) > z$ в селонском и других „древнелатышских“ племенных языках осуществилось, вероятнее всего, после распада восточнобалтийского языкового единства.

4. Селоны и латгалы с территории юго-восточной Латвии в VI–VII вв. начали продвижение на север и к XIII в. приблизительно достигли северо-восточной границы современной Латвии. Продвижение латгалов и селонов на север во второй половине I тысячелетия н. э. не явилось причиной для отступления прибалтийских финнов. Большинство прежнего населения осталось на месте и продолжало жить бок о бок с пришедшими с юга балтийскими племенами. Они постепенно смешались с селонами и латгалами, приняли их культуру и язык [33, л. 110–111; 34, с. 184–185; 35, с. 14; 36, л. 10; 37, л. 174; 16, р. 26].

Интенсивные связи восточнобалтийских и восточнославянских племен начались в IX–X вв. [38, р. 350–351; 39, л. 36]. Но в селонских и латгальских лексических заимствованиях из древнерусского языка, как правило, уже отсутствует аффрикатизация смычных $k', \check{k}, g', \check{g}$. Следовательно, эта аффрикатизация смычных в селонском и латгальском племенных языках осуществилась между VI и IX вв. [26, л. 92–93].

ЛИТЕРАТУРА

1. Народы Европейской части СССР. — М.: Наука, 1964, т. 2.
2. Анцитис К., Янсон А. Некоторые вопросы этнической истории древних селов. — СЭ, 1962, № 6.
3. Циммерманс С. Я., Моркунас В. И. Об историко-этнографических областях в Латвии и Литве во второй половине XIX в. — В кн.: Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980.
4. Būga K. Rinkiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1959, t. 2.
5. Būga K. Rinkiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961, t. 3.
6. Enzelīns J. Latviešu valodas gramatika. — Rīgā: Valsts. izd., 1951.
7. Karaliūnas S. Sėlių kalba. — Mokslas ir gyvenimas, 1972, Nr. 1.
8. Mažiulis V. Selonica. — Baltistica, 1981, 17(1).
9. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. — V.: Mokslas, 1981.
10. Брейдак А. Из истории балтийского вокализма. — Lingua Posnaniensis. Poznań, 1980, vol. 23.
11. Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. — V.: Mintis, 1966.
12. Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos tarmės. — K.: Šviesa, 1968.
13. Rudzīte M. Latviešu dialektologija. — Rīgā: Valsts. izd., 1964.
14. Рудзите М. К. Латышская диалектология. (Фонетика и морфология.): Автореф. докт. дис. — Рига: Латгосиздат, 1964 (на латышск. яз.).
15. Kolbuszewski S. F. Z badań nad językami bałtyckimi. O paru izofonach we wschodnich gwarach łotewskich i litewskich. — Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Sprawozdania, Nr. 92 za 1974 r. Wydział filologiczno-filozoficzny. Poznań, 1976.
16. Брейдак А. Б. О влиянии прибалтийско-финских языков на латгальский и селонский идиомы. — Baltistica, 1977, II priedas.
17. Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков. — В кн.: Основы финно-угорского языкознания (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). — М.: Наука, 1974.
18. Breidaks A. Über das ostseefinnische Sprachsubstrat in Ostlettland. — Baltistica, 1977, 13(1).
19. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
20. Nissilä V., Sarmela M., Sinisalo A. Ethnologisches Ortschafts- und Dorfregister des finnischen Sprachgebiets in Finnland, Karelien, Ingermanland, Norrbotten, Finmark und auf der Halbinsel Kola. — Helsinki, 1970.
21. Керт Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика, морфология, синтаксис. — Л.: Наука, 1971.
22. Kettunen L. Votjan kielen äännehistoria. — Helsinki, 1930.
23. Ariste P. Vajja keele grammatika. — Tartu, 1948.
24. Ariste P. A Grammar of the Votic Language. — Bloomington—The Hague, 1968.
25. Серебrenников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974.
26. Breidaks A. Baltijas somu na latgaļu-sėļu etnolingvistisko sakaru jautājumi. — LZAV, 1981, Nr. 8.
27. Ariste P. Gibt es ein votisches Sprachsubstrat im Ostlettischen? — Baltistica, 1978, 14(2).
28. Latvijas vēstures avoti. Senās Latvijas vēstures avoti, II sējums, I burtnīca (līdz 1237.g.). — Rīgā, 1937.
29. Turkopulis J. Latv. val. Preiļu pagastu izloksnes apraksta turpinājums. — FBR VIII (1928).
30. Zirnītis E. Lubāniešu izloksne. — FBR XVII(1937).
31. Kancāns V. Kaldabruniešu izloksne. — FBR XVII(1937).
32. Latkovskis L. Līvānu izloksne. — FBR XX(1940).
33. Moora H. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. — Rīgā, 1952.
34. Шноре Э., Циммермане И. Поселение и могильник в Кивты (Восточная Латвия). — В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966.
35. Денисова Р. Прибалтийские финны на территории Латвии (I—II тысячелетия н. э.). — В кн.: Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига, 1970.
36. Denisova R. Sēlpils 13.—17. gs. kapulauka kranioloģiskais materiāls un tā nozīme austrumlatviešu etniskās vēstures izpratnē. — AE, 1973, X.
37. LAR. — Rīgā: Zinātne, 1974.
38. Būga K. Rinkiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1958, t. 1.
39. Endzelīns J. Ievads baltu filoloģijā. Rīgā: Universitātes grāmatu apgāds, 1945.

EINIGE PHONETISCHE ERSCHEINUNGEN DES SELISCHEN SPRACHSUBSTRATS IN NORDOSTLITAUEN

A. Breidaks

Zusammenfassung

Im vorliegenden Artikel werden einige phonetische Erscheinungen nordöstlicher Mundarten Litauens und Toponomastik dieser Region analysiert, was mit dem Einfluss vom selischen Sprachsubstrat zu klären ist, und nämlich: 1) Distribution der Vokale *o* (*o*): *a* abhängig von betonter oder unbetonter Position, z. B. *všsara* „Sommer“ in Mundart von Kupiškis und Anykščiai, vgl. *vosara*, *všsara* „Sommer“ in selischen Mundarten der lettischen Sprache; 2) positioneller Umlaut der Vokale *e* > *a* und *é* > *ā*. z. B. *madis* „Honig“, *tāvas* „Vater“ in Mundart von Kupiškis, vgl. *mads* „Honig“, *tāvs* „Vater“ in selischen Mundarten der lettischen Sprache; 3) Zischlaute *s*, z anstatt der erwarteten Zischlaute *š*, *ž*, z. B. in den Seennamen *Zālvās*, *Zārasas*, vgl. den Ortsnamen *Zalva* in Ostzemgale; 4) Affrikatization des palatalisierten Verschlusslautes *k'*, z. B. in den Seennamen *Cēdasas*, *Čīširīs* in Nordostlitauen, vgl. *kačis* „Katze“ <*kačis* dass. in Mundart von Zasa in Ostzemgale.

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ КОНТАКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМОВ

Е. М. Катанова (Минск)

Длительные балто-славянские этноязыковые контакты на территории нынешней Белоруссии привели к тому, что в этом регионе сформировался специфический пласт топонимии, что в нем кроме славянского слоя имеется довольно мощный слой балтийских топонимов. Многие балтийские географические названия в ходе освоения их славянами подверглись весьма специфической трансформации, затрудняющей их этимологизацию. И дело здесь не только и, может быть, не столько в фонетической трансформации, хотя, как известно, она тоже создает дополнительные трудности в интерпретации названий, разрушая единство его звучания и исконного значения. Такие разрушения могут быть устранены путем „реставрации“ звуковой оболочки, если исходить из соотношения фонетических систем контактировавших языков, после чего восстановление (обнаружение) содержания (значения) становится возможным. Применительно к балто-славянской ситуации здесь имеются в виду такие случаи, когда в ходе освоения балтийской топонимии то или иное название славянскому населению „ничего не говорило“ в том